

ЛЮДМИЛА УВАРОВА

КАК У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ СОБАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1979

для младшего школьного возраста

Людмила Захаровна Уварова

КАК У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ СОБАКА

Рассказ

Художник Е. Шукаев

Редактор Б. Цыбина
Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Н. Нитяева
Корректор Н. Пьяикова

Сдано в производство 9.02.78.

Подписано в печать 15.06.78.

60X90/8. Офс. № 1. Гарн. коринна. Печать офсет.

Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,55. Тираж 300 000 экз.

Изд. № 2641. Заказ № 884. Цена 15 коп.

По оригиналам издательства «Малыш»

Москва, К-55, Бутырский вал, 68.

Московский комбинат сувенижных изделий Российского

промышленного объединения по производству

игрушек «Роспрингрушка» Министерства

легкой промышленности РСФСР

Москва, Люсиновская, 30.

У 70802-217 — без объявл.
М102(03)—79

© Издательство «Малыш» 1978

Мы с мамой отправились на каникулы к папе. Папа служил на пограничной заставе, в Туркмении. и, когда мы приехали, сам встречал нас на аэродроме.

Я не сразу узнал папу. Он до того загорел, что только зубы и белки глаз блестят. Всё остальное — лицо, шея, руки — тёмно-коричневые, а возле глаз чуть заметные белые полоски: папа у меня весёлый, любит смеяться, и, наверно, когда особенно жарко светило солнце, он щурил глаза, смеялся. Вот эти самые морщинки и не загорели.

Первым делом я спросил папу, есть ли на заставе собаки. Я очень люблю собак, давно уже хочу завести собаку, но мама не разрешает.

— Сперва подрасти надо, а потом заводить собаку, —

сказала мама. — А пока забудь, и надолго!

Но я не забыл. Я всё время думал о собаке, представлял себе, как мы с ней ходим гулять, как беседуем друг с другом, то есть, я говорю о чём-нибудь, а она глядит на меня и всё, всё понимает, и как я учу её всяким фокусам — подавать лапу, прыгать через верёвочку, бегать за палкой и приносить её мне...

Да мало ли чему можно обучить собаку? Ведь собаки, каждый знает, очень умные, всё понимают.

Так вот, приехали мы к папе, и он сразу же повёл меня в приёмник, показал собак. Это — знаменитые пограничные псы, те самые, что вместе с пограничниками ходят в дозор, несут пограничную службу, ловят всяких нарушителей, которые тайком стараются перейти границу.

Очень красивые и серьёзные псы! Папа сказал, что их нельзя угощать, нельзя с ними разговаривать, потому что пищу

они берут только из рук пограничника, который за ними ухаживает, и слушаются они только своего хозяина.

Конечно, мне очень хотелось угостить собак сахаром, у меня все карманы были набиты сахаром, я ещё в Москве приготовил, и баранки у меня были, но раз нельзя — стало быть, нельзя, что о том говорить?

Поглядел я на них, они на меня, и так, не говоря ни слова, я пошёл дальше. А сахар как был, так и остался в карманах.

Папа говорит вдруг:

— Хочешь, я тебя с одной собакой познакомлю? Она живёт отдельно.

— Конечно, хочу, — отвечаю. — Где она?

— Идём покажу.

Эта собака и в самом деле жила отдельно ото всех,

во дворе, где находилась столовая. Ей построили большую, удобную конуру, и папа подошёл и позвал:

— Лайма, ко мне!

Лайма тут же вышла из конуры. Это была красивая, тёмно-бурая овчарка, уши стоят, глаза карие, блестящие.

Подошла к папе, лизнула его руку.

— Вот Лайма, — сказал папа, — это мой сын, Андрюша. Поняла?

Лайма глянула на меня и завильяла хвостом. И я сразу увидел, что она всё поняла.

Я спросил папу:

— Почему Лайма живёт отдельно, не со всеми собаками?

— Она уже старая, и её списали на пенсию, — ответил папа. — Это была моя собака, мы с ней, было время, вместе хорошо поработали, а теперь она на заслуженном отдыхе, как видишь, у неё своя конура. О ней заботятся, её не забывают, но работать она уже, ясное дело, не работает.

Собака на пенсии! Вот это да!

О таких собаках я ещё не слышал никогда.

Когда папа с мамой сели пить чай, я сказал, что пить чай в такую жару я не могу, и они отпустили меня, и я опять побежал к Лайме.

На этот раз она сидела возле конуры, а вокруг неё возились, кувыркались, перепрыгивали друг через дружку три хорошеньких, тёмно-бурых щенка.

До чего же они были красивые, весёлые, просто глаз от них нельзя было оторвать!

Завидев меня, все трое бросились ко мне, стали прыгать, стараясь добраться до моего носа, и при этом визжали, как оглашенные. А Лайма лежала на брюхе, вытянув лапы, и словно улыбалась, глядя на своих детей, а если кто-нибудь из них бросался к ней, она легонько ударяла его лапой, словно говорила:

— А ну-ка, брось баловаться, меня не трогай!

Я долго смотрел на щенков и всё никак не мог решить, который щенок самый лучший.

И в это самое время ко мне подошёл папа. Он спросил:

— Что, любишься?

— Ещё бы! — ответил я.

— Да, ничего не скажешь, хороши!

— Как их зовут?

— Шарик, Кузя и Белка.

Шарик, Кузя и Белка... Вот здорово! Только как же отличить Шарика от Белки или Кузю от Шарика? Вроде они все одинаковые. Но потом я получше разглядел их всех. У Кузи спина чёрная, Шарик самый толстый из всех, а у Белки — грудь и лапы белые.

— Сколько им лет? — спросил я.

Папа засмеялся:

— Лет? Да ты что? Им всем вместе полгода, каждому по два месяца.

Я очень удивился. Два месяца! Вот уж никогда бы не сказал, такие они все крупные и откормленные.

— Кто тебе больше всех нравится? — спросил папа.

Я сказал сразу, не задумываясь:

— Белка.

Но тут Кузя прыгнул на меня и схватил мой палец, и я понял, что Кузя нравится мне больше. Но когда Шарик развалился около моих ног, показав мне розовый в чёрных родинках живот, то я уже раз и навсегда решил: Шарик — самый лучший щенок.

Папа сказал:

— А по-моему, они все замечательные.

— Можно, я буду приходить к Лайме? — спросил я папу.

— Можно, — ответил папа. — Она тебя уже знает.

Я, конечно, обрадовался. Наконец-то хотя бы здесь, на заставе, у меня будет собака, да не одна, а целых четыре.

С того дня я каждое утро бежал навестить Лайму и её щенков, приносил им сахар, белый хлеб, кости.

Но самое интересное случилось незадолго до моего отъезда. Прихожу я рано утром к Лайме, а её нет. Ни её, ни щенков. Я побежал к папе.

— Куда девалась Лайма?

Папа спросил:

— А что? Разве её нет?

Мы побежали обратно, во двор, глядим—конура пустая: ни Лаймы, ни щенков.

Вместе с папой мы обошли всё кругом, звали Лайму, я даже охрип, но она не отзывалась.

Папа сказал:

— Не волнуйся, Андрюша. Наверно, Лайма в дозоре.

— Как в дозоре?

— Ушла с вечера в горы и взяла с собой щенков.

— Зачем?

— Она их учит ходить по тропам...

Я не поверил папе. Неужели есть такие собаки, как

Лайма? Но, оказалось, папа был прав. Вернулись мы домой, приходит к папе пограничник и говорит:

— Лайма нашлась. Ушла с вечера в горы и взяла с собой щенков, всех троих. И там учила их ходить по тропам. Наши ребята видели, как она шла впереди, потом оборачивалась, и щенки останавливались, а она словно что-то им показывала и опять шла вперёд, а они за ней...

Папа с гордостью сказал:

— Видишь, какая у нас Лайма?

— Да, — ответил я, — вижу. До сих пор не может позабить службу.

Я рассказал маме о Лайме, мама не поверила.

— Не может такого быть!

Но папа подтвердил мой рассказ, и мама в конце концов поверила и удивилась:

— Я ещё никогда не видела такой собаки!

Тогда я понял: настал момент, которого я ждал, может

быть, всю жизнь. Я и представить себе не мог, что наступит такой вот момент. И я сказал маме:

— Вот бы мне такую собаку!

— Ни за что, — сказала мама.

— Но я же хочу не Лайму, — сказал я. — Пусть Лайма останется на заставе, а вот её щенка, всё равно какого, только, конечно, лучше бы Шарика, я бы тогда знаешь что? Я бы...

И дальше я не знал, что сказать. Просто подумал, если бы у меня была собака, я бы стал самым счастливым человеком на свете, самым что ни на есть счастливым.

Я представил себе, как ребята из школы приходят ко мне и видят щенка, который прежде жил на далёкой заставе и обучился ходить по горам, ловить нарушителей, а теперь живёт у меня, и выполняет мои приказания, и всюду ходит за мной, всюду, куда бы я сам ни пошёл.

Как же мне станут все завидовать! А летом я снова поеду к папе и возьму с собой щенка, и он станет уже взрослым, таким же, как Лайма, и вместе с Лаймой и со мной будет ходить в горы...

А однажды, может же такое случиться, он задержит нарушителя.

И все будут его поздравлять, ну и меня, конечно. И напишут в газетах о том, что на пограничной заставе живёт собака Лайма, а её сын принадлежит ученику московской школы Андрюше Реззову.

И ещё много мне представлялось всяких приключений, которые случаются с моим псом. Недаром мама называет меня выдумщиком. Есть это у меня. Что есть, то есть!

Мама долго молчала, потом говорит:

— Если будет собака, ты совсем забросишь учёбу!

Я даже закричал:

— Нет, неправда! Я буду учиться ещё лучше!

— Ещё лучше — это слишком сильно сказано, — говорит мама.

— А что? — спросил папа. — Неужели Андрюша плохо учится?

Мама посмотрела на меня и ничего не ответила.

А я стал уговаривать их обоих. Я клятвенно обещал, что буду делать всё, что надо, и уроки готовить все, как один, и в булочную за хлебом, если пошлют, пойду, и тетради у меня будут в порядке, ни одной помарочки, учебники оберну в бумагу, чтобы не пачкались, и свой стол буду убирать так, чтобы нигде ни пылинки...

Я говорил, говорил, даже горло пересохло, гляжу, папа вроде сдаётся. Спрашивает маму:

— Может, поверим ему?

Мама опять молчит. А я опять за своё: не могу, не

хочу жить без собаки, она мне никогда ни в чём не помешает, я даже стану первым учеником, вот возьму и стану, и все будут удивляться, а я стану! Мама говорит:

— Помолчи немного, у меня от твоей трескотни голова болит.

Тут уж стало ясно, что я своего добился. И я бросился к Лайме, схватил Шарика и прибежал к маме.

— Хорош? Нет, ты только глянь на него!

Мама посмотрела на Шарика и вздохнула. Папа засмеялся, а мама спросила:

— Интересно, собакам надо брать билет в самолёт?

Larisa_F